

Собственный признак и определение

Я. А. Слинин, Санкт-Петербургский государственный университет

Одним из приоритетов Аристотеля является то, что он ввел в рассмотрение термины «суть бытия» и «определение», о чём он сообщает нам в первой книге «Топики»: «Но всякое положение и всякая проблема указывает или на собственное, или на род, или на привходящее, видовое же отличие, как относящееся к роду, нужно ставить вместе с родом. Так как одно собственное обозначает суть бытия [вещи], а другое – не обозначает, то разделим собственное на обе только что указанные части и пусть то собственное, которое обозначает суть бытия [вещи], называется определением, а прочее, согласно общему наименованию, данному им, пусть именуется «собственное»»*.

Видим, что до Аристотеля бытовал термин «собственное». Но Стагирит решил, что собственные признаки вещи неравноценны: одни из них входят в суть её бытия (о ней до него никто не говорил), а другие не входят. Поэтому он разделил собственное в широком смысле слова надвое: на определение и на собственное в узком (аристотелевском) смысле слова.

В «Топике» читаем: «Определение есть речь, обозначающая суть бытия [вещи]»**. При этом определяемое и определяющее взаимозаменяемы: если, например, некое существо – человек, то оно разумно, и, наоборот, если оно разумно, то оно человек. О собственном в узком смысле слова Аристотель пишет следующее: «Собственное – это то, что хотя и не выражает сути бытия [вещи], но что присуще только ей и взаимозаменяемо с ней. Например, собственное для человека – это то, что он способен научиться читать и писать. В самом деле, если [это существо] – человек, то оно способно научиться читать и писать, и, наоборот, если оно способно научиться читать и писать, оно человек»***. И мы видим, что взаимозаменяемость – это черта, характерная для собственного в широком смысле слова, независимо от того выражает оно суть бытия вещи или нет.

Ясно, что для ученого важно проникнуть в суть бытия исследуемой вещи, т.е. понять, какие признаки необходимы для того, чтобы она оставалась самой собой, и отделить их от тех признаков, которые могут у неё быть, но без которых она способна обойтись. Иначе говоря, для него важно суметь дать определение исследуемой вещи.

Однако выясняется, что аристотелевское определение не является универсальной операцией, приложимой ко всему, чему угодно. Она приложима к видам, но не приложима к индивидам. Например, можно дать определение человеку, но нельзя дать отдельных определений Сократу, Кориску или Каллию. В седьмой книге «Метафизики» написано: «Поэтому, если тот, кто имеет дело с определением, даёт определение какой-нибудь единичной вещи, он должен знать, что оно всегда может быть опровергнуто, ибо дать такое определение невозможно»****.

Дело в том, что, согласно Аристотелю, никакой индивид не имеет отдельной, присущей только ему одному, сути бытия. Родо-видовая иерархия (она же – «древо Порфирия») заканчивается так называемыми низшими видами, каждый из которых уже не делится на виды, а делится только по числу. Каждый из этих видов имеет свою суть бытия и может быть определён. При этом каждый из них охватывает некую группу индивидов, не имеющих отдельной сути бытия. Зато суть бытия того вида, к которому они относятся, распространяется на каждого из них. Все они имеют общую, видовую, суть бытия, одну на всех. Суть бытия Сократа состоит в том, что он человек; суть бытия Кориска, Каллия и прочих заключается в том же самом. Друг от друга Сократ, Кориск, Каллий и другие отличаются лишь привходящими, не относящимися к сути их бытия, признаками.

В отличие от определения, собственные в узком смысле слова имеют универсальный характер. Если нужно просто отличить какую-либо вещь от всех

остальных, то нет необходимости вникать в суть её бытия и давать ей определение. Достаточно найти хотя бы один её собственный признак. Например, если я встречу некое существо, громко смеющееся, то мне сразу станет ясно, что это человек, а если передо мной окажется существо, не менее громко ржущее, то я с уверенностью смогу сказать, что это – лошадь. В то же время я могу не быть способным дать определения ни человеку, ни лошади. Но главное – то, что собственные признаки имеются у каждого индивида. Это позволяет каждого индивида идентифицировать, отличить его от всех других. Так, например, личность любого человека можно установить по отпечаткам его пальцев или по его ДНК.

Ибн Сина в «Книге знания» выявление собственных признаков вещи именуется описанием и ставит его на одну доску с определением. Он пишет: «Цель определения (хад) – познание истинной сущности предмета, а различие последует само собой. Цель же описания (расм) – представить предмет, хотя сущность его в действительности и не познается. Самое представление служит для различения»*****.

Примечания.

*- Аристотель. Топика I4, 101в 17-24

** - Там же, I5, 101в 40

*** - Там же, I5, 102 17-23

**** - Аристотель. Метафизика VII 15, 1040а 6-8

***** - Ибн Сина [Авиценна]. Избранные философские произведения. М. 1980, С. 66-67